

[Дмитрий Хворостовский: дальше будет только лучше - ТАСС \(tass.ru\)](http://tass.ru)

22 ноября 2015

Дмитрий Хворостовский: дальше будет только лучше

[Андрей Ванденко](#)

Руководитель спецпроекта "Первые лица"

Ровно два года назад в спецпроекте ТАСС "Первые лица" Андрей Ванденко говорил с народным артистом России о жизни и творчестве

О диагнозе и его осознании, оптимизме и реализме

Ровно два года назад в спецпроекте ТАСС "Первые лица" Андрей Ванденко говорил с народным артистом России о жизни и творчестве

О диагнозе и его осознании, оптимизме и реализме

— У вас на сайте выложена новая запись песни "Жди меня". Мы ждали. Не столько эту запись, сколько вас, Дмитрий. Вашего возвращения.

— Спасибо. Я обещал и вернулся...

А песня на стихи Константина Симонова — с одноименного альбома с восемнадцатью военными композициями, ставшими классикой советской эстрады. Выпустил его к юбилею Победы, эта работа очень важна для меня.

— В начале лета вы известили о болезни и вынужденном перерыве в выступлениях, потом была пауза в несколько месяцев, во время которой от вас не поступало никакой информации, за исключением короткого сообщения, что лечение проходит нормально. Поэтому выложенный в середине сентября на сайте The Metropolitan Opera двухминутный ролик с вашей совместной с Анной Нетребко репетиции "Трубадура" собрал за сутки более ста тысяч просмотров.

— По большому секрету: ни свой сайт, ни страницы в социальных сетях я лично не веду. Мне помогают специально обученные люди. Разумеется, они делают все с моего одобрения, но сам посты в Facebook не пишу и фото в Instagram не выкладываю.

— Почему?

— Не хочу. Возможно, ошибаюсь, но не вижу в этом большого смысла. Да, для многих социальные сети стали важной частью жизни, но не для меня. О том, сколько человек поставило лайки или посмотрело записи концертов, узнаю от окружающих. Хотя сказанное, разумеется, не отменяет признательности ко всем, кто проявил внимание к моей судьбе и продолжает сопереживать. Чувствую отношение людей, их любовь. Этого нельзя не заметить. Тем не менее слишком впускать в свой мир, раскрываться перед посторонними я не готов. Не думаю, что это нужно делать. У меня публичная профессия, но по характеру я закрытый человек и тщательно охраняю приватное пространство. Это только мое и ничье больше.

— Тем не менее об опухоли в мозге вы сказали сами...

— Из-за прогрессирующей болезни я отменил один event, второй, третий, не хотелось, чтобы поползли какие-то слухи, начались пустые домыслы, и я заявил все как есть. Это было вполне логичным шагом с моей стороны. Наверное, поступок не слишком типичный, но каждый выбирает для себя. Мне так проще жить. В любом случае пришлось бы давать потом комментарии, что-то объяснять. Почему не сказать сразу, попытавшись тем самым закрыть тему? Не привык лгать и вводить людей в заблуждение. Я хорошо все обдумал, взвесил, посоветовался с семьей, с близкими, с Марком Хилдрю, моим другом и многолетним директором... Вместе решили: говорим правду.

Бог видит, зарабатывать пиар на болезни и чужом любопытстве я точно не стремился.

— *Вам почти сразу предложили медицинскую помощь в России, но вы отказались.*

Бог видит, зарабатывать пиар на болезни и чужом любопытстве я точно не стремился

— У меня все есть, и ничего не нужно. Помогать надо тем, кто лишен возможностей обеспечить себя.

Кроме того, важно понимать психологическое состояние человека, только узнавшего о тяжелой, не исключено, смертельной болезни. В такой момент менее всего хочется общаться с кем-либо. Это радостью и счастьем мы готовы делиться с миром, а в беде лучше побыть одному. С новой реальностью проще свыкаться наедине с собой. Надо все пережить самому, тут никто не поможет. Не сумеет, даже если сильно захочет.

— *И подготовиться к подобному тоже ведь заранее не получается.*

— Знаете, болезнь не стала для меня таким уж сюрпризом, видимо, я к ней подошел. Продолжительное время не мог избавиться от пессимистического настроения, появилось черное восприятие мира, чувство апатии и усталости. Перестал получать наслаждение от работы, был очень утомленным, безразличным к происходящему вокруг. Возможно, причиной служило физическое состояние, но до поры я не понимал этого.

— *А потом?*

— А потом дошло: что-то не так, я не в порядке. Правда, сперва думал, это другая болезнь — вертиго, связанная с воспалением среднего уха. Из-за нее нарушается вестибулярная функция, трудно сохранять равновесие, начинаются головокружения, при движении возникает ощущение тошноты. Через какое-то время понял: дело не в этом, все гораздо серьезнее, хотя знакомые и коллеги продолжали уверять, что напрасно сгущая краски, и все скоро пройдет. Не прошло.

— *Когда подтвердился диагноз?*

— Я сделал несколько серьезных обследований. Здесь, в России, в Англии и в Америке. Первое и самое тщательное прошел в клинике Бурденко. Вся профессура собралась на консилиум и обсуждала мой случай.

— *Слово "рак" прозвучало?*

— Нет. Но суть была уже ясна.

— *Обследование в Бурденко — это ведь май?*

— Да, конец месяца. Из Москвы я полетел в Лондон, а оттуда в Нью-Йорк. Времени не терял. Не в моем характере сидеть и терпеливо ждать, пока решается твоя судьба. Если что-то нужно выяснить, иду и узнаю. А уже потом решаю, что с этим знанием делать.

— *Первая мысль, когда опасения подтвердились?*

© Сергей Савостьянов/ТАСС

От врачей услышал главное: "Скорее всего, вы не умрете"

— Конечно, шок. А как иначе? Нормальная человеческая реакция! Всегда ведь надеешься на лучшее, но допускаешь и худшее. Старался гнать дурные мысли, но они все равно приходили... Попробовал отключить эмоции, рассуждать здраво. Понял, что не могу вот так взять — и уйти. Вокруг меня люди, мама и папа, жена и дети. Нина и Максим совсем еще маленькие...

Постепенно узнавал правду о болезни, о возможностях ее лечения и потихоньку успокаивался. Более всего страшит неизвестность: что скрывает темная комната? Когда видишь картину, пусть даже не самую приглядную, становится легче.

Понимаешь, от чего и куда плясать.

От врачей услышал главное: "Скорее всего, вы не умрете". Это первое. Не менее важным для меня было и то, что по-прежнему смогу работать на сцене, вести активный образ жизни. Да, не исключены определенные ограничения, но это неизбежные потери.

Ради такой цели стоило потерпеть неудобства, связанные с химиотерапией и облучением.

— Однажды вы рассказывали, как здесь, в Москве, вам делали операцию на носовых пазухах. Было так болезненно и некомфортно, что вы сравнивали процедуру со средневековой пыткой. Подозреваю, лучевая терапия еще жестче?

— Как показывает опыт, все в жизни относительно. Надо понимать, что стоит на кону. Конечно, лечение не должно быть мучительнее болезни, но когда перед тобой выбор — жизнь или смерть... При этом могу повторить, что манипуляции с носовыми пазухами считаются не самыми сложными, но весьма неприятными по физиологическим ощущениям. Больно, проще говоря.

В химиотерапии главная проблема — продолжительность курса. Надо настроиться как минимум на полгода систематического лечения. Сцепить зубы и терпеть.

Дмитрий Хворостовский с супругой Флоранс, 2011 год

© Алексей Филиппов/ТАСС

Очень помогла поддержка жены. Без Флоранс справиться с ситуацией было бы гораздо сложнее. Фло ни разу не позволила себе усомниться, что возможен иной исход, кроме победы над болезнью. Поначалу я ведь находился в полном расстройстве чувств. Пока ты на публике, держать лицо проще, я давно научился внешне не выказывать эмоций, но когда остаешься наедине с самим собой... Болезнь

может подавить, сломить волю, если не противопоставить ей что-то еще более сильное и важное. Любовь, семья, работа, спорт — надо непременно зацепиться за шанс и держаться за него руками, ногами, чем угодно.

Я заставлял себя чуть ли не каждый день посещать тренажерный зал, хотя в тот момент начались всякие осложнения, воспалился седалищный нерв, я с трудом двигался, вставал, садился, ходил...

— **Последствия химии?**

— Скорее, радиации. Меня облучали шесть недель. Это сильный удар по организму, серьезный ущерб здоровью. Последняя процедура была 12 августа, а голова до сих пор фонит.

— **В каком смысле?**

— В прямом! Я частично облысел, волосы на затылке посыпались. В клинике Рочестера в США мне сделали мощную биопсию, операцию под общим наркозом, без которой нельзя было понять, какую методику лечения выбрать. Сверлили отверстия в основании черепа. Если поднести руку к участку, который подвергся облучению, даже дополнительное тепло можно почувствовать. Бывают моменты, когда приливает кровь, и все там начинает пульсировать. Разве что музыка не звучит. Это результат радиации...

— **А головокружения ушли?**

— Не совсем. Меня предупредили, в той или иной форме они могут остаться до конца моих дней. Значит, буду жить с этим. Вот и провожу физические упражнения, укрепляющие чувство равновесия.

— **Взяли специального тренера?**

— Сам справляюсь. Я всегда старался посещать спортзал хотя бы пару раз в неделю, теперь делаю это чаще. Для того комплекса, который мне сейчас разработали, даже специальные тренажеры не нужны, можно заниматься в любой свободной комнате. Важна регулярность, система. Поначалу больно, трудно, но я вышибаю клин клином, постепенно мышцы разогреваются, и неприятные ощущения отступают.

У меня здоровый организм, и это должно помочь справиться с болезнью.

Обязательно поможет. Я знаю. Теперь будет только лучше.

И дело не в дешевом бодрячестве или показном оптимизме. Считаю себя способным здраво оценивать происходящее и вполне отдаю отчет, насколько серьезна ситуация, в которую попал. Напоказ радоваться жизни не буду. Тем не менее настроен бороться и использовать любой шанс, чтобы найти позитив. Про таких, как я, американцы говорят: survivor, намеренный выжить, цепляющийся за жизнь...

— **Вы ведь и страх высоты пытались победить, даже с парашютом специально прыгали.**

— Эта боязнь с юности. Подростком я едва не сорвался со скалы на красноярских Столбах. Шел дождь, а у меня была совершенно не та обувь, я поскользнулся и начал падать. В последний миг инструктор сумел чудом подхватить. И спас мне жизнь.

Иначе наверняка разбился бы, погиб. С тех пор я не слишком большой экстремал. Даже на балконе ощущаю себя не очень уверенно. Дети подходят к краю, смотрят через перила вниз, а у меня все холодеет внутри, мурашки по коже бегут. Но стараюсь справиться с фобией. Вся жизнь — борьба и преодоление. Вот хотел полетать на истребителе, почувствовать перегрузки. Здесь, под Москвой. Разумеется, в качестве пассажира. Товарищ рассказал, и я загорелся мечтой. Все почти сложилось, но в последний момент сорвалось. Ничего! Может, в следующий раз. Если врачи разрешат...

Дмитрий Хворостовский с детьми Ниной и Максимом

© Сергей Савостьянов/ТАСС

Вся жизнь - борьба и преодоление

Повторю: в трудные моменты очень помогает повседневная рутина. Дела отвлекают от плохих мыслей. Я должен постоянно следить за голосом, это мой рабочий инструмент, который надо содержать в порядке. В любом состоянии час-два в день занимаюсь вокалом. Что-то разучиваю, исполняю знакомые произведения. Это

невероятно дисциплинирует, приводит в тонус. Главное — не прерываться: день за днем, день за днем...

— ***Неужели не брали передышку, Дмитрий?***

— Нет! Больше скажу. Уже после начала курса лучевой терапии решил дать концерт в российском посольстве в Лондоне, хотя к тому моменту отменил все запланированные выступления. Идея пришла в голову спонтанно. Вдруг понял, что никогда не пел перед нашими дипломатами, хотя живу в Англии более двадцати лет. Захотел показать людям, что я в силе, в форме. В зале яблоку негде было упасть, я пригласил на вечер и своих друзей. Благодарен Александру Яковенко, послу России в Великобритании, за теплый прием. Получилось душевно, и это был важный стимул. Я проверил, смогу ли выдержать новую для себя эмоциональную нагрузку.

О шампанском, боли, надежде, качелях и наградах

— ***А в чем была ее необычность? После стольких лет, проведенных вами на сцене.***

— Все по-другому! Как в первый раз. Болезнь и все, что с ней связано, обогатили меня дополнительным опытом. Раньше не испытывал подобного. Совершенно иное ощущение! Я вышел из-за кулис, смотрел на лица людей, а внутри все бурлило. Потребовалось усилие, чтобы взять себя в руки, успокоиться и сглотнуть комок, который застревал в горле.

История повторилась 25 сентября на открытии сезона в Met, где я дебютировал после вызванного лечением перерыва. Понимал: когда появлюсь на сцене, начнется овация. Знал, что дирижер наверняка приостановит спектакль, давая залу выразить эмоции. Было важно выдержать в эти минуты, не сбить дыхание, не разрыдаться от обилия чувств, не рухнуть на пол. Не утрирую! Серьезнейшее психологическое испытание! Это оказалось наиболее сложным. Не глобальный процесс возвращения на сцену, а именно первый шаг по ней.

Партия графа Ди Луна в "Трубадуре" Верди считается одной из самых трудных у баритонов, хотя я очень ее люблю. По ходу спектакля мой герой ведет много боев на саблях, что в нынешнем состоянии вызывало дополнительное беспокойство, но, повторяю, тревожился не из-за этого, а из-за выхода на первый монолог. Шел и твердил: "Не расколется! Главное — не расколется!" И этого не случилось.

Сдержался.

— ***Сделали глубокий вдох? Или выдох?***

— Использовал весь доступный мне инструментарий. Улыбался, вертел головой, пытался разглядеть среди зрителей знакомые лица, готов был совершить что угодно, лишь бы не дать сердцу затрепетать сверх меры, не оказаться беззащитным перед аплодирующим залом. Нужно было переключить внимание на что-то другое, не прислушиваться к внутреннему состоянию.

Дмитрий Хворостовский и Анна Нетребко в опере "Трубадур", 2015 год

© Marty Sohl/Metropolitan Opera via AP

— ***А когда в финале вам под ноги посыпались белые розы?***

— Еще один сильнейший удар! Если к началу спектакля я морально подготовился, то дождь из цветов застал меня врасплох. Накануне прошла генеральная репетиция на публике, и я знал, что овация в конце обязательно будет, но такого количества роз никак не ожидал.

Мы вышли на поклон, выстроились в линию, и вдруг дирижер спектакля Марко Армильято схватил меня за руку и вытолкнул вперед. В первую секунду я даже

растерялся: так не принято. И тут из оркестровой ямы полетели цветы. Много! Очень! Я не знал, что делать, как себя вести. Оглянулся на партнеров: Аня Нетребко, Марко аплодировали и... плакали. Но я ведь тоже не железный! Наклонился, начал дрожащими руками собирать розы, а они продолжали сыпаться передо мной! Длинные, колючие... Я вручил те, которые уже поднял, дамам, стоявшим на сцене. Такое выражение признательности оркестра Met, поверьте, дорогого стоит. В этом театре удивительная, потрясающая атмосфера! Наверное, подобного нет больше нигде в мире. Накладывает отпечаток и то, что я лично знаю там чуть ли не каждого монтировщика и осветителя. Эдакие крепкие мужики, настоящие бугаи из Бронкса и Бруклина с характерным произношением... И с работающими в других службах театра, будь то пошивочный цех, гримеры или администрация, я давно знаком.

— Вы когда дебютировали в Metropolitan Opera?

— Ровно двадцать лет назад. В октябре исполнилось. И вот представьте: мы каждый раз встречаемся и общаемся на разные темы. Одни люди уходят, другие появляются, но дух Met остается. Это чувствовалось всегда, однако в сентябре я ощутил все особенно остро. От музыкантов оркестра, хора, партнеров исходила такая волна позитива, что меня накрыло с головой.

— Не спрашивал у вас прежде: дневник ведете, Дмитрий?

— Никогда не делал этого, хотя, удивитесь, именно сейчас, во время болезни, меня убеждали сесть за записи. Мол, пока особенно заняться нечем, систематизируй мысли, обобщи прожитое. Я честно попытался, но затея с мемуарами ничем не закончилась. Не смог себя заставить.

Меня спасло шампанское! Каждый день откупоривал новую бутылку

После каждого сеанса лучевой терапии я на несколько часов, что называется, выпадал в осадок, не было ни сил, ни эмоций, ни желаний. Сидел в кресле как живой труп. К шести вечера постепенно приходил в себя, потом выпивал бокал шампанского и сразу восставал, словно заново рождался на свет.

— А спиртное разрешилось?

— Меня спасло шампанское! Каждый день откупоривал новую бутылку. Это поднимало настроение, приводило в тонус. Ко мне ведь постоянно приезжали гости. Некоторые останавливались у нас дома, благо места всем хватает. Я ведь не лежал в клинике, ездил на процедуры и возвращался к себе. Впервые за долгие годы три месяца провел с семьей. Исключительный случай!

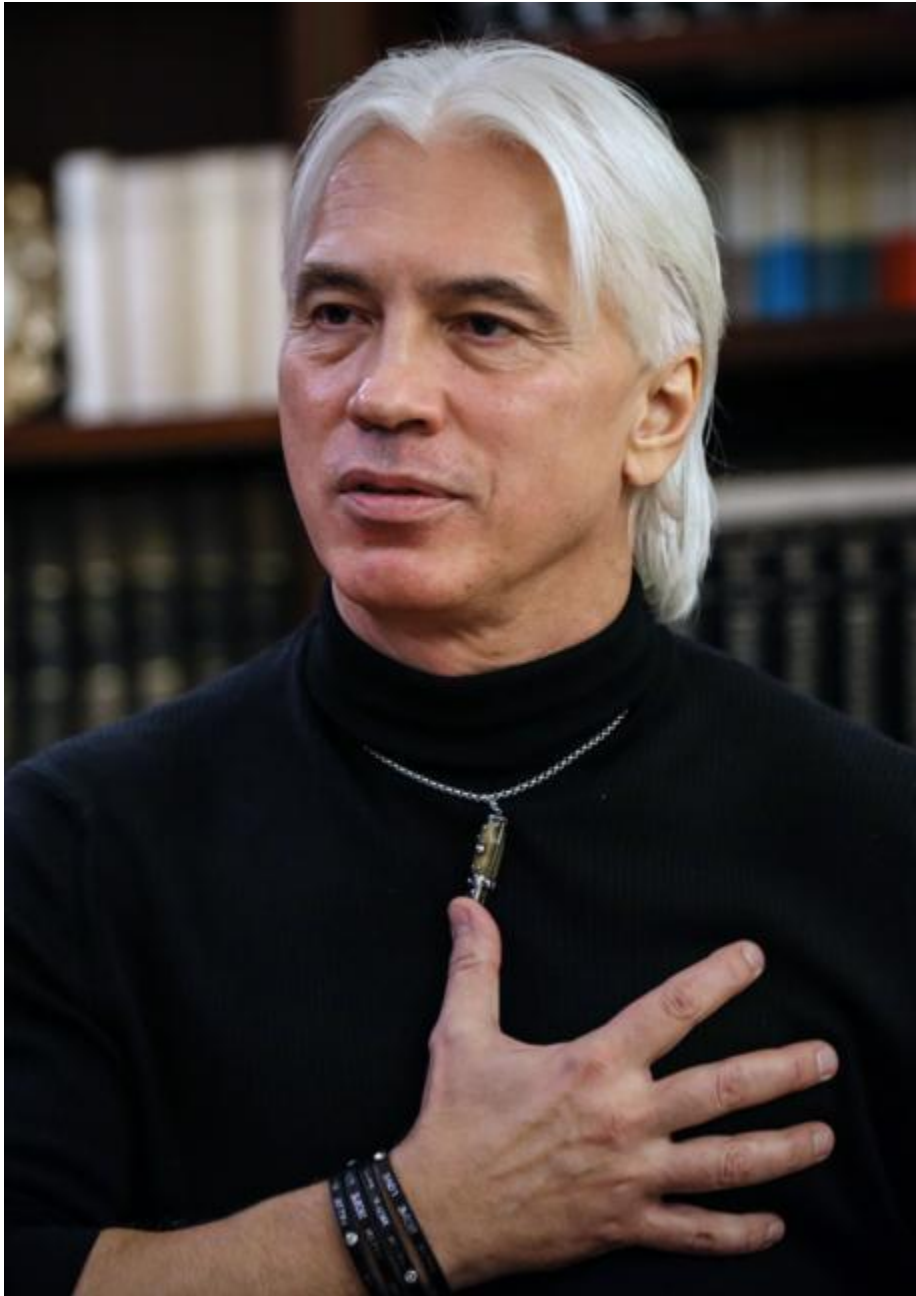
Тратить драгоценное время на написание каких-то воспоминаний? Мне было жаль терять даже час! К тому же физическое состояние оставляло желать лучшего — после радиации тошно жить.

— Постояв на краю и заглянув в бездну, стали иначе относиться к тому, что имеете на белом свете?

— Знаете, меня еще не отпустило. Депрессии по-прежнему мучают, может, даже сильнее, чем раньше.

— *Почему?*

— Все ночи мои. Бессонные. Лежишь, смотришь в темноту и думаешь, думаешь... Допускаю, слишком мало времени прошло, не знаю...

© Сергей Савостьянов/ТАСС

Человеческий организм ведь какой? На секунду станет лучше, боль чуть отпустит, и тут же появляется надежда. Картина меняется моментально — мысли, планы,

настроение. Начинаешь смотреть на мир совершенно иначе. А опять где-нибудь заболит, и все заливаешься чернотой. И вот так качаешься на волнах. Достаточно мгновения, чтобы упасть или взлететь. Это трудно. Устаешь от постоянных качелей.

— Тем сильнее, наверное, хочется отсеять всякую шелуху, не размениваться на ерунду, не тратить на это жизнь?

— Вы об этом... Нет, тут болезнь ничему меня не научила, да и не могла. Давно живу, ценя каждый миг. Конечно, случаются ошибки, неверные ходы, но это тоже опыт. За него надо платить. И тогда это уже не шелуха.

Если все-таки говорить об уроках, полученных за последние полгода, я еще более ограничил общение с внешним миром, свернул практически все лишние контакты, отказавшись от того, без чего могу обойтись. Может, и погорячился, зря это сделал. Но пока вот так.

При этом заметил, что стал терпимее относиться к людям. Раньше был резче в оценках и суждениях. Но, может, это связано не с болезнью, а с возрастом. С годами начинаешь больше понимать про жизнь.

— Когда в июне объявляли о перерыве в выступлениях, сразу предполагали, сколько продлится пауза?

— Врачи назвали мне дату последнего сеанса лучевой терапии, а это, как я уже говорил, главное зло. Во-первых, вредно для здоровья, во-вторых, ты привязан к клинике. Химию буду делать до февраля, но это даже не капельницы, а таблетки. Словом, перемещению по миру сейчас ничего не препятствует. Главное, чтобы физическое состояние позволяло работать.

За последние полгода я еще более ограничил общение с внешним миром, свернул практически все лишние контакты

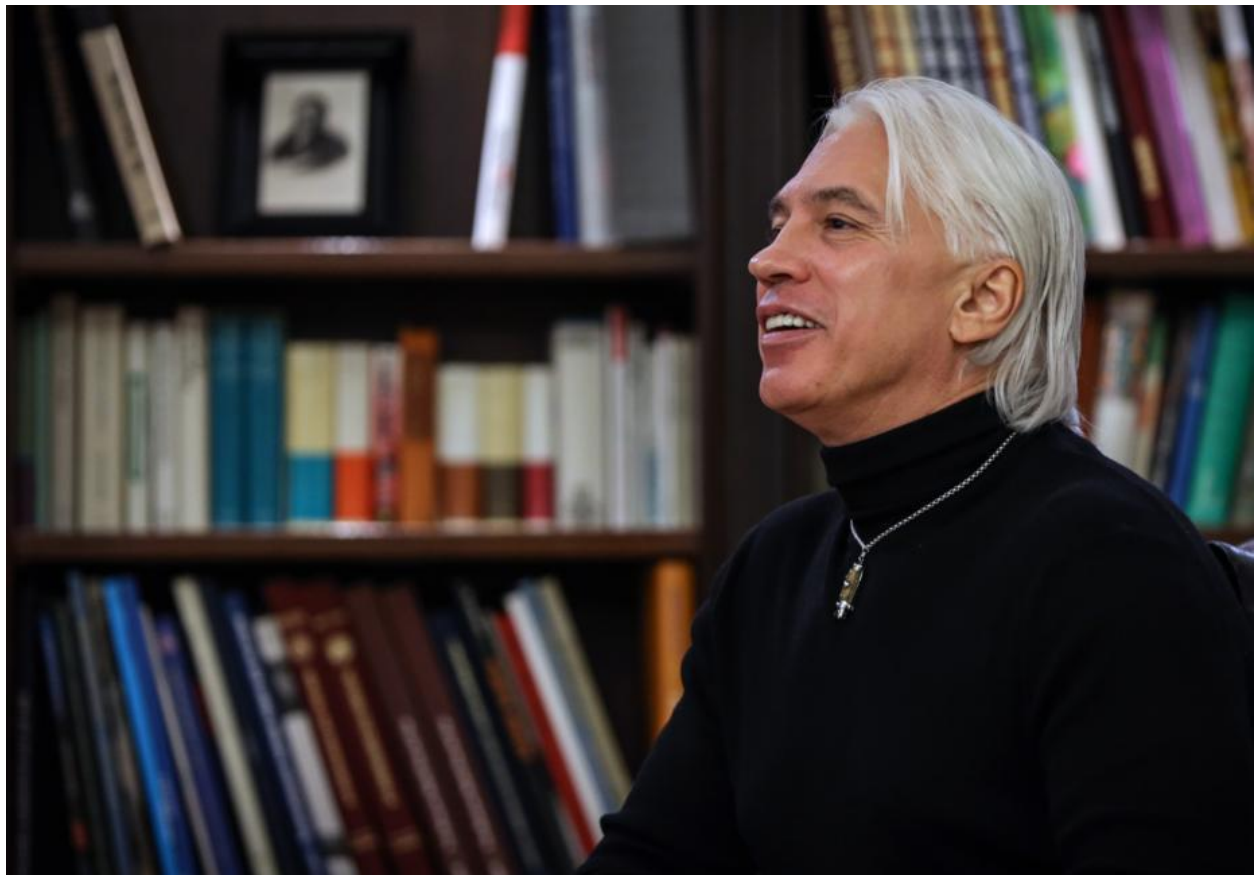
Поэтому я решил, что должен в сентябре ехать в Нью-Йорк и петь в Met. Так и сделал. Безусловно, это огромная победа, значение которой еще сам осознал не до конца. Понимаете, Met — определенный уровень, вызов. Профессиональный, эмоциональный, физический... И я его бросил. Сам себе. В данном случае не имело значения, будет это партия графа Ди Луна или пара простеньких нот. Был важен принцип.

Если же говорить о "Трубадуре", его практически невозможно правильно исполнить. Там все герои "crazy"! И опера написана, мягко говоря, не слишком удобно для певцов. То, как Аня Нетребко справилась с партией Леоноры, сказка. Безусловно, Анечка — удивительная артистка и очень мощная певица. За эти годы она добилась колоссального прогресса. Я же помню ее репертуар прежнего времени и вижу, что и как Аня поет сегодня. У нее даже голос поменялся, стал глубже, чище, сильнее. Когда мы выступали в Met 3 октября, прямая трансляция шла в двух тысячах кинотеатров семидесяти стран мира, в том числе и в России. Мои родители были в Москве и слушали "Трубадура" на большом экране. Это тоже добавляло волнения.

В те дни я постоянно ощущал поддержку. В Нью-Йорке не получалось спокойно пройти по улице. Я снимал апартаменты буквально в блоке от Met. Это расстояние медленным шагом можно преодолеть за пару минут. Я шел гораздо дольше. Прохожие узнавали, останавливали, желали здоровья, спрашивали о делах. А уж если встречался русский человек, общение еще больше затягивалось...

— ***В Лондоне, наверное, аналогичная история?***

— Там гораздо меньше хожу пешком, в основном езжу на машине с водителем. Телефоном тоже крайне редко пользуюсь, на звонки почти не отвечаю.

© Сергей Савостьянов/ТАСС

Конечно, у меня есть определенный круг общения в Лондоне. Covent Garden — моя вторая театральная семья. Наряду с Met. Английские коллеги прислали летом толстый альбом с автографами, фотографиями и добрыми пожеланиями, оставленными сотрудниками театра, начиная с директора и заканчивая билетерами.

— ***А из России писали?***

— Безусловно! Кстати, после концертов в Москве, Петербурге и Уфе зрители на этот раз несли не только цветы, но и баночки со снадобьем, народное зелье, которое лечит сразу от всех болезней, брошюрки, картинки, иконки...

— *Как, Дмитрий, отнеслись к тому, что родина наградила вас орденом Александра Невского?*

— В далеком уже 91-м я получил в Белом доме Госпремию России из рук Бориса Ельцина. Мне даже поручили сказать ответное слово от имени лауреатов. От волнения промямлил что-то не слишком выразительное. Запомнил только, что Борис Николаевич был бодр, красив, полон сил. В 95-м я стал народным артистом России...

Признателен государству за орден, хотя не менее важно, что я взлелеян любовью людей, которую постоянно ощущаю

С тех пор двадцать лет прошло. Родители спрашивали: "Дима, почему так?" Что я мог ответить? Теперь имею полное право сказать: "Вот! Есть!"

Безусловно, признателен государству за орден, хотя не менее важно, что я взлелеян любовью людей, которую постоянно ощущаю. Вот что главное. И это не пафос, а мое мироощущение.

— *Вам ведь наверняка не раз приходилось пересекаться с сильными мира сего?*

— Никогда не искал их дружбы или расположения, не преследовал такой цели. Они заняты важными государственными делами, а у меня собственная ниша. Мне ничего не нужно от власти. Абсолютно. Я не руковожу крупным оркестром или коллективом академического театра, не претендую на бюджетное финансирование и гранты. Как бы точнее выразиться? Я self-employed, работаю один, нигде не числюсь, ни в каких труппах не состою и принадлежу самому себе. Наверное, это называется независимостью?

Конечно, мне многократно приходилось выступать и перед главами государств, и перед монархами. Помню, в начале девяностых познакомился в Лондоне с принцессой Дианой. Я пел в Spenser House для членов высшего английского общества. После концерта был reception, обед, танцы...

Работаю один, нигде не числюсь, ни в каких труппах не состою и принадлежу самому себе

Но с той поры минуло более двух десятилетий, что сейчас вспоминать?

— *Обратимся к делам недавним. Вы же в этом году стали почетным гражданином Красноярского края?*

— Надо чаще бывать на малой родине. Прилетал туда весной. Если не ошибаюсь, 27 мая там прошел мой последний концерт перед болезнью. Мы приезжали всей семьей. Было очень здорово. Двоюродный брат Алексей с племянницей Ольгой показывали город, возили в заповедник Столбы, Нина и Максим пищали от восторга! И любимая теща тоже везде побывала, все осмотрела. Она итальянка, живет в Женеве. Я на протяжении многих лет с пеной у рта доказывал, что у Сибири есть своя прелесть, по красоте не уступающая Швейцарии. Йонес снисходительно слушала мои

пламенные речи и, наверное, посмеивалась в душе. А тут приехала в Красноярск и убедилась, что я не далек от истины. Ей все очень понравилось.

С тещей у меня замечательные отношения. Она прекрасный компаньон, люблю с ней быть. Из шести недель моей радиации Йонес провела со мной четыре. Кормила, поила, ухаживала... А сейчас, знаете, что с ней случилось? Третьего октября в Женеве в театре смотрела трансляцию "Трубадура" из Нью-Йорка. Выходя из зала, споткнулась на лестнице и сломала ногу. Вот как бывает! До января будет лежать в больнице, поскольку дома сложно перемещаться на коляске. Теперь мой черед навещать тещу, заботиться о ней. Мы с Фло уже летали в Женеву...

О языке гримерки, "Бессмертном полке", георгиевской ленточке, благотворительности и Facebook

— В 2005 году вы впервые провели гастрольный тур по России с песнями военных лет. Знаю, поездке предшествовала ваша встреча в Ново-Огарево с Владимиром Путиным...

— До этого было мое выступление на Красной площади. Мне первому из оперных певцов выпала честь дать там сольный концерт, телевизионную версию которого показывали потом в 25 странах мира. Владимир Владимирович пришел в начале второго отделения после завершения переговоров в Кремле с тогдашним президентом Египта Хосни Мубараком. Лидеры двух государств появились перед трибунами в момент, когда я исполнял песню "Вот солдаты идут..." Так совпало. После концерта Путин пригласил меня в свою резиденцию, где мы и обсудили идею концертного тура по России. Он получился беспрецедентным. Камерный оркестр Орбеляна, хор Попова... В реализации проекта нам очень сильно помог Андрей Казьмин, возглавлявший в тот момент Сбербанк и взявший всю логистику на себя. С поездами, с арендованным Jumbo Jet, огромным Boeing, на котором мы летали в дальние точки. В каждом городе на бесплатные концерты приходило море людей. Совершенно незабываемые впечатления!

Музыканты, артисты из разных стран всегда умели договариваться между собой. Даже в черные годы вражды и противостояния политических режимов

Через три года мы предприняли зарубежное турне — Европа, Мексика, США, Канада. Знаете, та поездка стала для меня еще одним доказательством, что любая политика и дипломатия меркнут перед настоящим искусством. Музыканты, артисты из разных стран всегда умели договариваться между собой. Даже в черные годы вражды и противостояния политических режимов. У нас есть выражение: язык гримерки интернационален.

Военные песни собирали полные филармонические залы. Представьте мексиканскую Гвадалахару, где вдруг зазвучала на русском "Темная ночь" ... Последний концерт мы

давали в Бостоне. После заключительной песни на сцене стало твориться нечто невероятное. Музыканты плакали, целовались, обнимались. Публика в зале не понимала, что происходит, я взял микрофон и объяснил: завершился длинный тур, который для всех нас оказался событием. Мне тогда в первый и, полагаю, единственный раз стало по-настоящему обидно, что в России никто не знал о наших гастролях. О них не писали, не говорили... Жалко!

— **А 9 мая этого года вы выступали на ВДНХ?**

— Да, с новой программой. Репертуар за десять лет значительно изменился. Тоже было очень много народу, десятки тысяч человек. Кому не хватило сидячих мест, стояли. До горизонта...

Во время выступления на концерте из цикла "Хворостовский и друзья" в Государственном Кремлевском дворце, 2015 год

© Вячеслав Прокофьев/ТАСС

До того, днем, у меня прошел концерт в Кремле. Потом я вернулся в гостиничный номер и смотрел, как по Красной площади идут колонны "Бессмертного полка". Стоял у окна и снимал на мобильный телефон, чтобы оставить видео на память,

показать друзьям за рубежом. Потрясающее зрелище! Если бы заранее знал об акции, мог бы присоединиться, прошел бы со всеми, пронес портрет моего дедушки, погибшего зимой 41-го под Москвой. Второй дед дошел до Кенигсберга, потом воевал на Дальнем Востоке...

Кстати, отец тещи сражался с фашистами в Греции и был там убит. Йонес — калька с английской фамилии Джонс, совершенно не итальянское имя. Тещу так назвали в честь соратника ее отца. Вторая мировая — о чем тут долго рассуждать?

— ***Сейчас все чаще говорят о новой угрозе миру — террористической.***

— Увы, современному обществу пока нечего противопоставить этому злу, хотя ясно, что победить мракобесье можно лишь объединенными усилиями. Давно пора отбросить амбиции больших политиков и денежных мешков ради спасения цивилизации. Нельзя безучастно смотреть, как Европу поглощает волна мусульманского радикализма. Мне глубоко не симпатичны полицейские государства, я всегда стремился к личной свободе, хотел жить в демократическом мире, но вижу, что сегодня принципы либерализма теряют популярность в глазах людей, а лозунги ужесточения политических режимов выходят на первый план.

— ***Вы рассказывали, что по праздникам носите георгиевскую ленточку.***

— Да, раньше обязательно прикреплял к пиджаку.

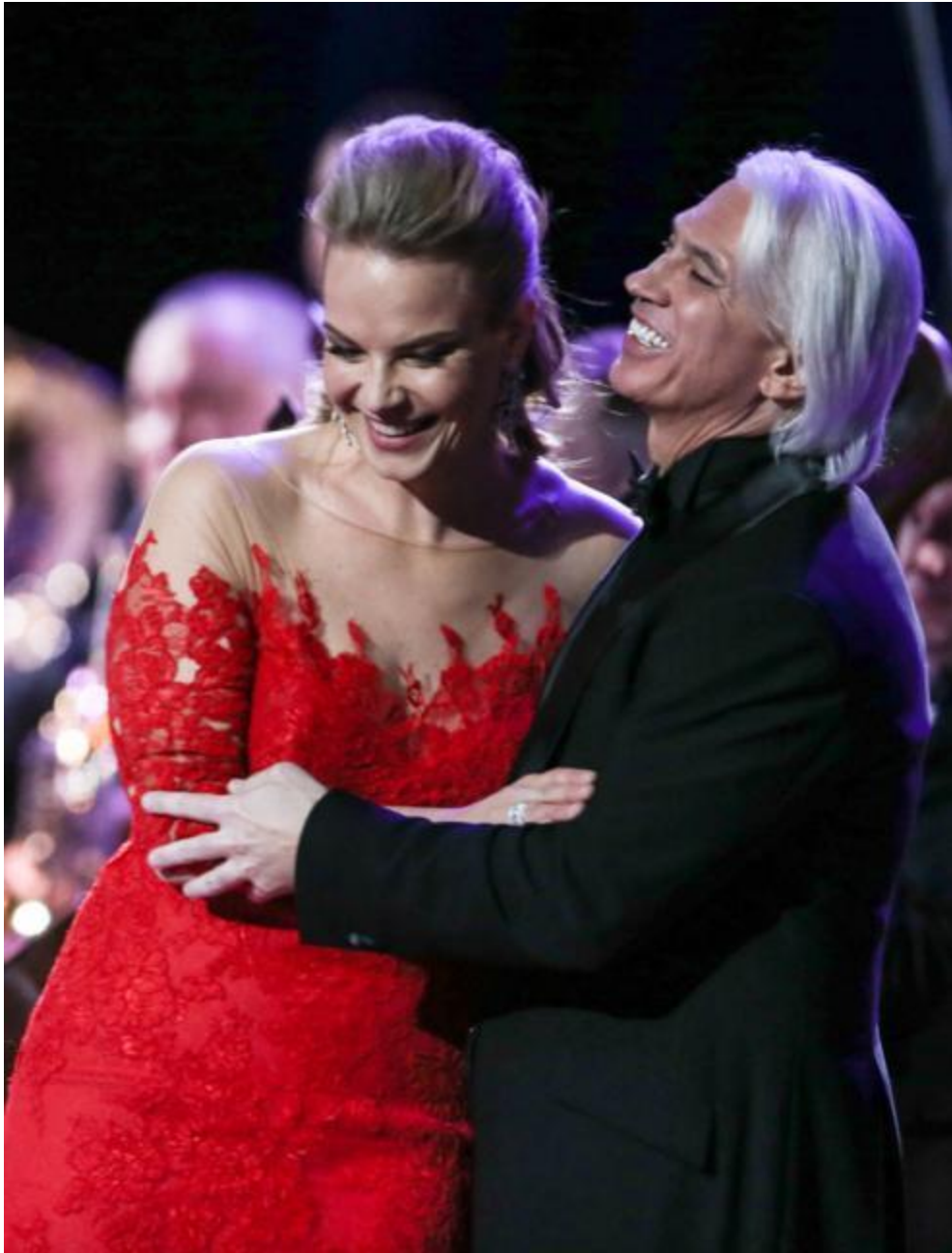
— ***Из-за этого у вас никогда не возникали проблемы на Западе?***

— Не преувеличивайте. Отсюда, из Москвы, кажется, будто там кто-то всерьез обращает внимание на подобные вещи. Никто толком ничего не знает. Большинство слышит отдаленный звон. Я хотел пригласить в программу "Хворостовский и друзья" моего хорошего товарища и великолепного оперного тенора из... из соседней и некогда братской страны. Он честно сказал: "Извини, не смогу приехать. Меня потом похоронят на родине, заживо в землю закопают, если спою в Москве". Звал я и коллегу из Скандинавии. Как-то разговорились с ним в коридоре Met после репетиции. Сидели и долго-долго беседовали. Я предложил: "Хочешь — приезжай, поучаствуешь в моем фестивале. Обычно два баритона не поют в одном концерте, но готов сделать исключение". Огромный викинг, который на две головы выше меня, поцокал языком и сказал: "Знаешь, жена не позволит. Sorry!"

— ***А вы говорите, Дмитрий, что искусство вне политики. Даже друзья в кусты отползают: у одного — страна, у другого — жена...***

— Видите, что получается... Создается определенный информационный фон вокруг России. Хотя никто не вникает в нюансы, не пытается разобраться в ситуации. Но этот негатив больше затрагивает политиков, публичные персоны. Отношение рядовых граждан к нашей стране практически не изменилось, какого-то отторжения или неприязни я не чувствую. Наоборот! Уже рассказывал вам про радушный прием в Met, про альбом из Covent Garden... И Элина Гаранча, прекрасная меццо-сопрано, приехала, блестяще выступила в Москве и Петербурге со мной в программе. Между прочим, она родом из Латвии, а теперешние отношения между нашими странами

трудно назвать теплыми и душевными. Но Элину это не остановило. Молодец! Ее поведение доказывает, что все зависит не от системы, а от конкретного человека, его позиции.

Элина Гаранча и Дмитрий Хворостовский, 2015 год

© Вячеслав Прокофьев/ТАСС

— *Получается, не всякая дружба может выдержать испытание?*

— Нет, друзья никуда не денутся, наши отношения обязательно сохранятся. Люди могут расходиться в политических пристрастиях, но мы остаемся коллегами. Каждый

действует сообразно собственным представлениям о добре и зле. Нормально! Никто не вправе требовать от человека большего, чем он сам готов дать.

У людей, занимающихся искусством, есть внутренняя лояльность по отношению друг к другу. Мы все в одной лодке. Как в большом теннисе с топ-игроками, входящими в первую сотню рейтинга. Они могут не дружить, но вынуждены проводить рядом много времени, переезжая на протяжении сезона с турнира на турнир. Возникает некая общность. Так и в оперном пении. Мы отлично знаем друг друга. В действительности, нас совсем мало, и мы абсолютно на одной волне. Несмотря на нюансы. Может, кто-то из коллег слишком много смотрит по телевидению новости и публицистические передачи...

— ***Вы не злоупотребляете?***

— Во время болезни пристрастился к сериалам. А теперь все, каникулы закончились, я вернулся к работе. График пока не тот, что был прежде, но весьма плотный. Как уже говорил, дал два больших концерта с Элиной Гаранчей, 5 ноября выступил в Минске с военными песнями, 18-го в Уфе состоялся наш с Ильдаром Абдразаковым совместный благотворительный вечер. Это было очень важно для меня.

— ***В прошлые годы вы ведь дважды планировали выступить в столице Башкирии, но потом все отменялось не по вашей вине.***

— Дело даже не в этом. В свое время я давал много благотворительных концертов, но в конце 90-х посчитал, что хватит, продолжать не нужно. Однако выступление в Уфе, как говорится, из другой оперы. Хотя концерт прошел именно в Башкирском театре оперы и балета. Зал заполнили люди с толстыми кошельками, которые в состоянии купить билеты по ценам, недоступным простым смертным. Собранные деньги будут потрачены на медицинскую помощь детям. Средства пойдут не в абстрактную копилку, а по конкретным адресам. Фонд "Мархамат", занимавшийся организацией концерта, потом отчитывается за каждую копейку. Только так. Павел Астахов, детский омбудсмен, пообещал, что все проконтролирует.

Подобная благотворительность меня вдохновляет. В прошлом году я провел аналогичный концерт в Кремле, а еще раньше выступал в Тбилиси. В Грузию меня приглашал Паата Бурчуладзе, мой друг. Я пел вместе с ним и прекрасной грузинской певицей Тамар Ивери, а в конце концерта вручил ключи от нового дома многодетной семье, в чью пользу и проводился вечер. Собранной суммы хватило на покупку. Я рассказал об этом Астахову, и он загорелся: "Надо и в России такую акцию устроить!" В Москве мы, правда, квартир не покупали, но вырученные деньги пошли на счет Русфонда, который направил их на поддержку сирот, детей с тяжелыми заболеваниями.

— ***Вы ведь семьями дружите с Астаховыми?***

— Да, последние семь-восемь лет... К слову, именно этой дружбе обязан отказом от общения через социальные сети. Я только-только открыл персональную страницу в Facebook и выложил на ней фотографию, на которой были Павел с женой Светланой и

мы с Флоранс у фонтана перед казино Монте-Карло. И тут такое началось! Не могу передать, какая грязь полилась! Словно мы совершили преступление. Злобные комментарии в омерзительных выражениях. Я схватился за голову и в ту же минуту ушел из Facebook, чтобы больше туда не возвращаться. Зачем?

В социальных сетях многое построено на стадном чувстве и рефлексах

На мой взгляд, в социальных сетях течет своя, ирреальная жизнь, имеющая мало общего с настоящей. Люди самоутверждаются, вымещают на других какие-то комплексы и фобии, многое построено на стадном чувстве и рефлексах, но мне это совершенно чуждо и не нужно. На мой взгляд, человечество уходит в параллельный мир. Увы, не самый симпатичный.

© Сергей Савостьянов/ТАСС

И так без конца казнишь себя за любой просчет на сцене, коришь за малейшую ошибку... Спектакль заканчивается, закрываешь глаза и начинаешь, как в замедленной рапидной съемке, проматывать его заново — от финала к началу... По

ночам подскакиваешь от ужаса, если снится, будто сделал что-то неправильно. Чтобы не разрушиться, нужно защищаться. Кожа так и не выросла.

Безусловно, это сказывается на настроении, на работе. У меня сейчас начинаются репетиции в Covent Garden в "Евгении Онегине". Спектакли пройдут в конце декабря и начале января. Шесть раз с коротким интервалом. Еще одно серьезное испытание, которое надо выдержать. Пока даже не хочу об этом думать.

— **Страшно?**

— Стараюсь не заглядывать далеко в будущее, живу тем, что случится вот-вот. Не забегая, иду шаг за шагом. Хотя планы расписаны на годы. Сейчас у нас что? Ноябрь 2015-го? В том же Met есть прикидки и на 18-й, и на 19-й годы. "Отелло" должен быть, "Сила судьбы"... И "Евгений Онегин" с Анечкой Нетребко. Да, проектов много. Никто пока умирать не собирается...